

ПРОЛОГ

Монах делал вид, что молится. Его костявые пальцы в оловянных перстнях перебирали четки, на самом же деле он внимательно следил за солдатом. Густав Адольф фон Филленбург, епископ Вильбурга и Финляндия, приказал присмотреться к странному посетителю. Но это было ни к чему: тот добрых полчаса стоял, не шевелясь, и глядел в стену перед собой. Казалось, он может оставаться неподвижным весь день. Но монах все равно наблюдал, как и было велено, ведь он знал, что это не простой солдат — те не носят шелк, мечи с золотом на эфесах и сафьяновые кавалерийские сапоги до колен с дорогими шпорами, как благородные.

Слуги приносили блюда с жареной курицей и рисом, черной кровяной колбасой и белой ливерной. По зале распространился пряный запах еды — солдат даже не шелохнулся, не покосился на стол с яствами. Казалось, ничто не производит на него впечатления. Будто он каждый день бывает в личных покоях епископа, ходит по желтому паркету, прикасается к дорогой мебели, кладет руки на красные скатерти, видит образа в серебре, золотой крест и смотрит в огромные, от потолка до пола, застекленные окна. Он даже не обращал внимания на агрегат, стоящий в углу, из которого доносились разнообразные механические звуки и под которым качался маятник; не глядел он и на удивительную вещь — часы. Монах еще раз отметил про себя, что если это и солдат, то он весьма непросто — обычный солдат разглядывал бы залу с открытым ртом, ведь одно блюдо из серебра с курицей и рисом сопоставимо с годовым жалованьем.

На самом же деле все было не совсем так. Кое-что действительно произошло на солдата большое впечатление. И это были не часы и не серебряная посуда. И то и другое он видел уже не раз. Он даже ел с серебра. Мало того, он был грамотен и мог различать время, но вот такие окна... Да, окна его поразили. В комнате было светло, как на улице. Ни свечи, ни лампы, ни факелы не были нужны, и это было удивительно, но он не подал вида. Взглянул, оценил, отвернулся.

Тем временем слуги почти бесшумно приносили новые блюда: серый паштет, листья соленой капусты с фиолетовой моченой морковью и яркими красными ягодами, пирог непонятно с чем, вино в великолепном стеклянном графине — судя по цвету, не местное. Они поставили посередине стола две тарел-

ки, одну в другую. Солдат не понял, для чего это. Рядом положили несколько ножей разных видов и вилки и поставили еще тарелку, но поменьше.

Солдат был голоден, но на эту еду не рассчитывал. Он был почти уверен, что епископ никогда не пригласит его к столу. Хотя в его жизни бывало всякое. Он сидел за столом с благородными людьми, но уж точно не с епископом. Слуги принесли блюдо с рыбой — та была простой, речной. Еда простюдинов.

Монах встал у окна, продолжая теревить четки. Стрелка на часах, казалось, замерла, а слуги носили и носили какие-то блюда на стол: соусы нескольких видов, резаный окорок, маринованный чеснок, два вида хлеба. Хлеб был горячий, только из печи. Когда слуги встали у стены и замерли, солдат понял, что скоро придет и сам епископ Густав. Так и случилось, вскоре тот действительно появился. Шумно сопевший и шелестящий дорогими одеждами, грузный, в огромной широкополой шляпе стоимостью в целое состояние, он вошел сразу, как только влетевший в залу лакей распахнул двери.

Чопорная тишина и пустота мгновенно закончились — в комнате появился хозяин. Епископ заполнил собой все пространство. Он сразу сел за стол, а лакей снял шляпу с его головы. Монах встал за его спиной, сделал жест пальцами, и все слуги, кроме одного, покинули залу. Епископ осмотрел стол и только после этого взглянул на солдата.

— Это о тебе мне писал аббат Дерингхоффского монастыря?

— Надеюсь, что так, — отвечал солдат, поклонившись достаточно низко.

Епископ посмотрел на него внимательно. Про себя он сделал вывод: «Из простых, но хочет выглядеть благородным». Солдат тоже смотрел на него изучающе и тоже делал выводы. «Попу за шестьдесят, жирный любитель излишеств, скорее всего тупой и капризный».

— Как тебя зовут? — спросил епископ.

— Ярослав Волков, — ответил солдат.

— О, ты из этих... из восточных?

— Мой отец был с Востока, а мать урожденная Руудсдорфа, господин.

Монах тут же подскочил к солдату и зашипел в ухо:

— Ты должен обращаться к епископу «монсеньор».

— А не схизмат ли ты? — спросил епископ, указав вилкой на одно из блюд.

Слуга тут же кинулся накладывать еду из блюда в тарелку епископа.

— Нет, монсеньор, — ответил солдат. — Матушка привела меня в лоно истинной Церкви.

— Да благословлена будет мать твоя, спасающая тебя от ереси.

Солдат хотел ответить, но в этот момент один из слуг внес в залу большое блюдо с жареной свининой, только что снятой с огня, и комнату наполнил дурманящий аромат. Солдат невольно вздохнул. Епископ заметил это. Он стал выбирать себе куски, обжигался, но вилкой не пользовался. Монах подошел к нему сзади и тихо произнес:

— Монсеньор, хочу вам напомнить, что доктор Фибер не рекомендует вам есть больше одного куска.

— Я помню, — сухо ответил епископ, бросая себе в тарелку большой кусок горячего мяса, а чуть подумав, еще один.

— У вас будет изжога, — напомнил монах.

— Ну так сделай мне воды с мелом, — сказал епископ, с хрустом разламывая свежайший хлеб.

— Я, конечно, сделаю, но вам нужно есть меньше жирного.

— Оставь меня в покое, слуга Люцифера! — рявкнул епископ и ударил рукой по столу так, что звякнули тарелки. — Вина мне кто-нибудь нальет?

«Так и есть, капризный барин», — подумал солдат.

Монах обиженно поджал губы и стал перебирать четки. Слуга кинулся наливать епископу вино. Тот отпил полстакана сразу с немалым удовольствием.

— А как же ты стал солдатом? — неожиданно спросил епископ и впился в свинину зубами.

— Мой отец сгинул, — сказал солдат, чуть помолчав, и добавил: — Я остался с матерью и сестрами. У нас были долги, дом отец заложил.

— Понятно, отец заложил дом и сбежал.

— Это маловероятно, — ответил солдат.

— Маловероятно? Почему же?

— Он и его компаньоны собрали денег, снарядили корабль, чтобы ехать на Восток за пушниной. Ни команды, ни купцов, ни корабля больше никто не видел. Скорее всего, их захватили телезские пираты или разбил шторм.

— Ты сказал «маловероятно», такие слова говорят грамотные, — произнес епископ, жуя мясо и глядя на собеседника.

— Я обучен грамоте, монсеньор.

— С каких это пор в солдатах учат грамоте? У нас и монахи на три четверти неграмотны. У нас некоторые отцы Церкви, прости Господи, читают с трудом. А ты солдат и вдруг грамотный.

— Повезло, — коротко ответил солдат.

— Что это за везение такое? Поведай уже.

— Я поступил на службу в роту лучников, в отряд графа фон Крюендорфа. В сражении при Сен-Сьене был ранен, рейтары де Брюиза сначала растоптали ландскнехтов, а затем и нас... Меня там ранили.

— Погоди-ка, погоди, Сен-Сьен, Сен-Сьен... — наморщился епископ. — А где это?

— На левом берегу Марты, южнее Бернандина.

— Святой крест, а когда же это было?

Солдат неожиданно для себя понял, что это вовсе не простая беседа.

— Семнадцать... — Он на секунду задумался. — Нет, шестнадцать лет назад.

— Вот оно как. — Он внимательно смотрел на солдата, потом снова увлекся мясом. — Значит, ты пошел служить, а сколько лет тебе было?

— Нас выгнали из дома, когда мне было четырнадцать; мать пошла в корчму, убирать и помогать готовить. За это хозяин разрешил ей и моим двум сестрам жить в конюшне. Мне там места не было, и я узнал, что фон Крюендорф собирает людей. Деньги, которые он предлагал, показались мне огромными. Я был уверен, что за пять лет службы смогу купить матери дом.

— И что, купил?

— У меня до сих пор нет дома.

— Ну, ладно, что там с рейтарами де Брюиза, которые тебя немного поломали? И кто же тебя грамоте обучил?

— Читать меня еще отец научил, а все остальное сам. Ранение было тяжелым, я валялся в телеге целую неделю с другими ранеными. У меня были сломаны ключица, рука и ребра. Все с левой стороны. Через неделю начал ходить, один-единственный из телеги. Все остальные умерли. Ходил с трудом, поэтому меня хотели выгнать из роты. Лейтенант Брюнхвальд взял меня к себе за один талер в полгода.

— Лакеям обычно платят больше, — заметил епископ.

— Нет, лакей у него был. Он взял меня вестовым, конюхом, чтецом и всем остальным, кем только можно.

— Помощником лакея, — заметил епископ. — А что это за Брюнхвальд? Он не из леерзиндских Брюнхвальдов?

— Скорее всего, из них, но его никто не называл «фоном». Думаю, он был из бастардов.

— Был? — Епископ на секунду перестал жевать.

— Да, был, через четыре года при штурме Дрофера его убил арбалетчик. Болт пробил кирасу, вошел в грудь на палец, прямо в сердце. Он умер у меня на руках.

— А ты остался без хозяина?

— Да, но к тому времени я уже умел читать, считать и писать. Знал кое-какие законы. Последний год я вел всю его переписку и писал все его приказы. А он только прикладывал свой перстень.

— Так ты стал его писарем?

— Не совсем чтобы писарем. Лейтенант был бесшабашной храбрости человек. И вечно лез в самую кашу. А мне, к сожалению, приходилось следовать сразу за ним. Так что в палатке я был его писарем, а в бою оруженосцем. Та-скал щит и алебарду.

Епископ, видимо, наелся и лениво ковырял ложкой взбитые сливки с ягодами. Теперь он не казался истеричным барином. Солдат видел, что перед ним сидит тонкий интриган, мастер политики, обмана и лукавства.

— И куда же ты пошел после смерти Брюнхвальда?

— Никуда не пошел. У Брюнхвальда был контракт с фон Крюенендорфом. Я так и остался у графа в полку. Он определил меня писарем в кавалерийскую роту.

— И как тебе было в кавалерийской роте?

— Весело. Они там все воровали.

— Воровали? И что ж они воровали?

— Все что только можно. Лошадей ставят на выпас, а фураж списывают. Коновалов вызывали каждый день. Как будто половина лошадей в роте больны.

— А они не болели?

— Конечно, болели, но не так часто, как приходили коновалы, и не так часто, как это оплачивал граф.

— Ха-ха-ха-ха, — засмеялся епископ. — Воровали! Какая прелесть!

— Прибавьте к этому перековку, которой не было, и ремонт сбруи, который был не нужен.

— Ты не только грамотный, ты еще и в лошадях разбираешься?

— У лейтенанта Брюнхвальда было четыре коня. У меня пятый. Четыре года ими занимался я.

— И что ж было дальше, ты пошел к графу и сказал, что его обворовывают?

— Нет, граф сам догадывался, а я не стал это отрицать.

— И что было дальше?

— В этот вечер меня пытались зарезать.

— Ах-ха-ха-ха, — снова засмеялся епископ. — Какая прелесть, люди не меняются, hoc est verum.

— *Malum consilium*, для нападавших, — произнес солдат, — к тому времени я уже многому научился у лейтенанта Брюнхвальда за четыре года непрерывных сражений.

Епископ перестал жевать, отложил ложку. Он едва мог скрыть удивление.

— *Scitis lingua patrum nostrorum?* — спросил он.

— *In mensura facultatem*, — ответил солдат.

Епископ обернулся к монаху:

— Что скажешь?

— Скажу, что в этой фразе «*in*» не употребляется, достаточно просто сказать «*mensura facultatem*».

— Да не это я имел в виду. — Епископ махнул на монаха рукой. — Скажи, друг мой, а кто же тебя обучил языку знаний? Опять сам?

— Нет, монсеньор, на этот раз учитель был. Это был монах Фелинганского монастыря. Фон Бок в очередной раз не заплатил своим наемникам, они начали грабить на востоке от озера Фелинга, хотели разграбить сам город Фелинга, но там все было разграблено до них. И тут им попался монастырь. Вынесли все ценное, а монастырь подожгли, мы выбили их оттуда, и из огня удалось спасти четыре сотни книг. Барон забрал их себе. Приказал мне их продать. Но в тех местах людей с деньгами не было. Мы возили их с собой. А за нами увя-

зался один монах, брат Сульвио. Он все время ныл и просил их вернуть, бубнил, что это большая ценность. Я захотел узнать, что же в них такого ценного. А три четверти этих книг были написаны на языке древних. Брат Сульвио сначала читал мне их по ночам, а потом стал учить меня этому языку. За год я стал читать сам.

Епископ помолчал и произнес:

— Аббат писал мне, что ты редкий человек. Вижу, что он не ошибся. — Он опять помолчал, а потом предложил, указав на стол: — Хочешь что-либо поесть? Присаживайся.

При этом сам епископ встал.

— Бери, что хочешь.

Солдат не шелохнулся. Он не ел со вчерашнего дня, но сесть за стол после того, как из-за него встал хозяин, значило признать себя слугой или лакеем.

— Благодарю вас, — сухо ответил солдат. — Я не голоден.

— Ну, как знаешь, — так же сухо произнес епископ. — А почему же ты ушел из своей профессии?

— Мне показалось, что я уже исчерпал всю удачу, отпущенную мне. Почти двадцать лет мне везло. Везение не может быть бесконечным.

— А как ты об этом узнал? — Епископ подошел к окну. Он не смотрел на солдата.

— При штурме Эшре. Наш командир, герцог де Приньи...

— Молодой герцог? Герцог Альбер? — перебив солдата, спросил епископ.

— Именно, герцог Альбер, его отец, к которому я нанимался, уже год как умер, решил похвастаться своей гвардией перед дружками, сановными особами, и сказал, что сам с нами первый войдет в пролом.

— А ты был в его гвардии?

— Я был правофланговый корпорал гвардии, охрана штандарта Его Высочества Биофра, графа де Фрэ, графа де Ганши, герцога Альбера де Приньи, его глашатаем и чтецом его приказов.

— Поэтому ты отказался от моего стола? — спросил епископ. — Ты сидел за столом с герцогом и рассчитывал, что тебя пригласит за стол епископ?

Солдат едва заметно поклонился.

— Ладно. — Епископ снова уставился в окно. — Так почему ты ушел из армии герцога? Молодой герцог был болван?

— Вы недалеки от истины. Герцог вошел в пролом первым и первым получил удар копья. Затем полдня мы занимались тем, что пытались вытащить его из города, а горожане занимались тем, что пытались его зарезать. Ближе к вечеру я тоже получил удар копья в ногу. В результате сей блестящей атаки из ста семидесяти двух гвардейцев осталось пять десятков. Два десятка убитых, остальные ранены.

— То есть молодой герцог тебя не впечатлил?

— Юнец, ищущий славы, худший командир из всех, какие могут быть.

— Значит, это был твой последний штурм?

— Да, если еще учесть, что беарийский арбалетчик со стены вцепил мне болт прямо в шлем.

— Он ранил тебя?

— Нет, болт порезал кожу на виске, застрял между головой и шлемом, но уже в этот день я понял, что мое везение заканчивается и что пора заканчивать с этим ремеслом.

— Тем не менее ты прекрасно выглядишь после стольких лет в армии.

— *Non sine fortuna*, — ответил солдат.

Епископ усмехнулся и посмотрел на монаха, а тот скептически поджал губы.

— *Tu quoque severus*, он ведь просто солдат, а не ученый.

Монах промолчал.

— Хорошо, а у кого же ты еще служил?

— У фон Бока два года, у фон Рюгенталя. Полгода мне платил курфюрст Ренбау, пока его не разгромили у Мюлле. Вот, в общем-то, и все мои командировки.

— Ну, хорошо. — Епископ помолчал, подумал. — А что ж ты совершил такого удивительного для барона фон Рютте?

— Ну, я, — начал солдат, — помог ему навести порядок в его земле.

— Секундочку, — перебил его епископ, подошел к столу и налил вина в два бокала. Один предложил солдату, а из второго отпил сам. — Что за дрянь? Вино мне возят все хуже и хуже.

Солдат отпил и решил, что вино вполне себе приличное.

— О чем мы говорили? — спросил епископ.

— О бароне фон Рютте.

— Ну и что именно ты сделал для барона?

— А разве аббат вам не написал?

— Аббат мне пишет едва ли не каждый день. Мало ли что он мне написал. Он написал, что барон очень щедро наградил тебя. И как щедро?

— Вполне, — скромно сказал солдат.

— И сколько же он тебе обещал за работу твою?

— Семь цехинов.

— Семь цехинов? — Епископ Густав поднял брови.

— Именно.

— Семь цехинов! А знаешь ли ты, сколько местные бароны собирают со своих земель в год?

— Не имею представления.

— А я имею! Местные бароны в год собирают пятнадцать-двадцать цехинов в урожай, и это зажиточные. Большинство едва получают десять. Так вот мне интересно, что же ты за подвиг совершил, что прижимистый Рютте отдал тебе половину своего дохода?

— Мне он не показался прижимистым.

— Тебе не показался, а я его знаю с детства. Я вместе с ним рос. Он всегда был тупым, спесивым и драчливым, а когда вырос, то стал еще и жадным. С мужика дерет последнее, за дочь приданое дает смехотворное. Сына, наследника, держал в черном теле, тому едва удалось у него коня выклянчить. Так что давай, рассказывай, за что жадный Рютте дал тебе гору золота.

— Монсеньор, это долгая история.

— Долгая история, говоришь? До воскресной мессы я свободен. — Епископ подошел и уселся в кресле. Слуга принес ему две подушки, а под ноги поставил скамеечку. — Ну, рассказывай, — сказал епископ. — За что барон заплатил тебе семь цехинов?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— **А** где мост? — спросил солдат.
— Так нету, — ответил мужик вежливо и с недоумением, мол: «Что ж вы, господин, не видите, что моста нет?»»

— Был. Я три года назад здесь проезжал.

— Так был. Да, был. Только вот дожди с февраля месяца как пошли, так и идут. А в апреле его и смыло. И севернее мост тоже смыло.

— А лодка где-нибудь тут есть?

— А как же! Есть лодка, есть. У местного мельника. Только маленькая она, вас перевезет, а коня не перевезет.

Солдат посмотрел в воду. Течение было очень быстрым, переплыть с конем нереально.

— И мост строить никто не собирается?

— Никто не собирается, — заверил мужик, связывая мокрый хворост в пучок. — А кому собираться? Старый граф еще зимой помер. Да, схоронили. А молодому графу не до этого.

— Воюет?

— Не-е, паскудствует... празднует, гуляет.

— Понятно, — солдат немного помолчал, — а там, за рекой, какой-то город был.

— Почему был? Есть. Байренгоф. Стоит город, стоит. Только вам туда ехать не надо.

— А что?

— А чума там.

— Чума?

— Ага, мрут людишки, полгорода осталось от былого.

— Неужто столько померло?

— Кто помер, кто разбежался. Язва — одно слово.

— Язва — это беда, — согласился солдат.

— Язва — это полбеды.

— А что ж еще?

— Дезертиры.

— Вот как?

— Ага, ага, лютуют. Мы на тот берег даже не суетмся. И хорошо, что мосты паводком смыло, и вы, господин, подумайте хорошенько, прежде чем туда лезть. А вам куда нужно?

— В Лютцоф.

— В Лютцоф? — Мужик задумался. — Это я не знаю, где такое.

— А что ж дезертиров никто не ловит?

— Я ж вам говорю, старый граф помер, а молодому только пятнадцать годов, не до того ему.

— Ясно, а все-таки как мне попасть на тот берег?

— Три мили вверх по реке пороги. Вода там быстрая, но конь у вас добрый, пройдет. Только вот убьют вас там.

— Думаешь?

— Ага, думаю. Обязательно убьют. Меч у вас дорогой, конь у вас дорогой, что ж не убить-то? Там и за простого мужицкого конька убивают. А за вашего красавца и подавно убьют. Да что там конь, за один ваш плащ с мехом убьют или за сапоги.

— Какие мрачные перспективы.

— Чего? — не понял мужик.

— Ничего, — ответил солдат. — Страшно, но мне нужно в Лютцоф. Придется ехать.

— Ну, храни вас Бог.

— И тебя, друг.

Дождь, дождь, дождь. Некогда мелкая река — полноводна. Даже на порогах вода доходила коню почти до брюха. Медленно, с трудом солдат перебрался на другой берег и повернул на север. Ехать в чумной город не было резона, тем более встречаться с дезертирами. Уж кто-кто, а солдат прекрасно знал, что из себя представляют эти парни.

Дорога сразу за рекой ушла в лес. Стена деревьев справа и справа, а сама дорога больше походила на обмелевшее русло небольшой реки. И дождь.

Добрый плащ, который он захватил как-то после одного небольшого сражения в обозе побежденных, полностью промок. С капюшона за шиворот то и дело скатывались капли. Спина и плечи стали зябнуть, рука — старая его боль — начала ныть. Но ни крова, ни тепла даже не предвиделось.

— Эх, найти бы хоть что-нибудь дотемна, — сам себе сказал солдат.

Ему очень не хотелось ночевать в мокром лесу.

— Тут можно согнуться, брат, — сказал он коню. — Исчезнуть, как будто и не было. Два-три дезертира с арбалетом — и все. Даже костей не найдут. Да и кто искать-то будет?

Конь не отвечал, шел шагом спокойным.

— Всякое мы повидали, а в такой глуши не были: сколько уже едем, ни единого человека, ни дома, ни следов от копыт или колес, ни кострищ, только лужи.

А день потихоньку полз к закату. Настроение портилось, а тут вдруг конь тихонько всхрапнул. Солдат сразу осадил его и остановился.

— Ну, чего ты? Что почуял?

Конь покорно стоял, шевеля ушами. Солдат послушал, взгляделся вдаль, даже стянул с головы мокрый капюшон — ничего, только мокрый лес и дождь. Пустил коня шагом вперед. Он знал, что тот просто так храпеть не будет, это был добрый боевой конь. И тут до солдата долетел едва уловимый запах. Это был дым, тяжелый дым от сырых дров. Где-то неподалеку были люди. Только что это были за люди?

Солдат решил не спешить и, несмотря на непрекращающийся дождь, капюшон не надевал. В нем было плохо слышно. Проехав еще немного, он уже не сомневался, что кто-то хотел согреться в этом сыром лесу. А еще он почувствовал сладковатый и тошнотворный запах. Запах войны, который не сулил ничего хорошего. Поэтому солдат снял с луки седла шлем с подшлемником, надел его, затем вытащил меч и опустил его вниз, к ноге, под плащ. Он похлопал коня по шее и тихо сказал:

— Поехали тихонечко, и не вздумай храпеть. Если что, вернемся к порогам.

Но, проехав немного и приглядевшись, он понял, что возвращаться не придется. На развилке дороги стояла виселица с двумя повешенными, а в десяти шагах от нее дымил костер. У костра сидели два солдата. Нанизав на палки большие морковки, они их жарили. Именно этот сладкий запах жареной моркови солдат перепутал с вонью разлагающихся трупов.

Рядом, на треноге из палок, висел щит с гербом. Белое поле из верхнего угла в нижний — широкая голубая полоса. На полосе черная орлиная лапа. Солдат помнил сотню гербов и еще пару сотен мог узнать, но этого он никогда не видел. Герб успокоил его. Герб — это всегда порядок. Не останавливая коня, он вложил меч в ножны и снял шлем. Солдат был уверен, что перед ним не дезертиры и не мародеры. Ни те, ни другие никогда не будут носить чьих-либо гербов.

Увидев его, люди вскочили с земли, схватили копья, надели шлемы и двинулись к нему. Это были простые, немолодые уже стражники какого-нибудь мелкого дворянина в поношенных, засаленных стеганках и старых сапогах. Шлемы и наконечники копий они давно не чистили.

— Стой, дальше хода нет, — сурово сказал один из них. Он был выше и, наверное, поэтому был старшим. — Именем барона фон Рютте я запрещаю вам ехать дальше.

— Это почему еще? — спросил солдат.

— Далее земли барона фон Рютте, и он велел никого не пускать.

— А ты знаешь, что говорит дорожное уложение Фердинанда Святого о прохождении через владения?

— Нет, — честно признался стражник.

— А сказано там так: «А кто препятствовать будет проходу через земли свои купцу, монаху или другому доброму человеку или требовать мзду за про-